

*ЕГОРОВА Людмила Петровна,
доктор филологических наук,
профессор Северо-Кавказского федерального университета
(Россия, Ставрополь)*

СТАВРОПОЛЬСКИЙ ТЕКСТ В ВОЕННОЙ ТЕТРАЛОГИИ ЮРИЯ СЛЕПУХИНА

Огромный и пока ещё недооценённый вклад Ю. Г. Слепухина в развитие отечественной прозы о Второй мировой войне побуждает нас подробно исследовать генезис его тетралогии и, в частности, обратиться к истокам художественного воплощения образа города Энска, главного «героя» первых двух романов тетралогии, а затем — в отдельных эпизодах — и заключительного. Как известно, отрочество и ранняя юность Слепухина, тогда Кочеткова, прошли на Ставрополье и именно *первые*, а значит, наиболее эмоционально запоминающиеся события должны были наложить неизгладимый отпечаток на восприятие будущего писателя. Этот отпечаток достаточно легко вычитывается в тексте тетралогии, как в развертывании сюжета, так и в ретроспекции воспоминаний героев, что представляет интерес и в литературоведческом плане.

В какой мере в содержании хотя бы первого романа тетралогии, где, как признавался сам писатель, он рассказал о своих школьных друзьях, отражены реалии ставропольской жизни? Этот вопрос, разумеется, интересует и местных краеведов, и читателей. В генезисе (и только в генезисе!) роман «Перекресток» — это ставропольский текст. Первый вариант был написан еще в 1949 в Аргентине, а по данным сестры обдумывался еще в 1946 в Бельгии. По собственному признанию автора, романом это стало потом: «Вначале я совершенно не представлял себе, что, собственно, намерен написать. Знал лишь о чем: это должен быть рассказ о моих школьных друзьях, о неповторимой обстановке последнего предвоенного года, о небольшом городе на юге России, где я тогда жил. Словом, весь замысел —

совершенно еще не ясный мне самому — был, как нетрудно догадаться, продиктован ностальгией»¹.

Однако о соотнесенности биографий главных литературных героев — Сергея Дежнева, Володи Глушко, Татьяны Николаевой, Людмилы Земцевой — и их прототипов (хотя документально подтвержден пока только один из них) можно говорить лишь применительно к «Перекрестку», и то лишь по отношению к их школьной жизни. Наиболее выразительный пример — дальнейшая, во втором романе, судьба Володи Глушко, своей жизнью заплатившего за убийство фашистского гебитскомиссара Кранца. Как писала нам Н. А. Слепухина, в какой-то мере прототипом образа Володи был Ю. Голынец, судьба которого, однако, оказалась благополучной. (Кстати, приятель Сергея Дежнева однажды упомянут в романе и под фамилией прототипа: Юлька Голынец²). К моменту, когда, вернувшись в СССР, Юрий Григорьевич пытался разыскать своих друзей, приезжал в Ставрополь, Голынец уже жил в Москве, где они в конце концов встретились. Таким образом, дальнейшая судьба героев подчинялась уже развитию художественной концепции тетралогии как романа историсофского и панорамного с постоянной в нем сменой действия. Герои Слепухина оказываются и по одну, и по другую сторону фронта, их жизненные судьбы связаны с теми или иным перипетиям разветвленных сюжетных линий; их образы раскрываются введением обширных дневниковых записей, пространных диалогов, мастерством несобственно-прямой речи. Дар художника слова помог Ю. Г. Слепухину, опираясь на жизненные реалии, не копировать их, а, отталкиваясь от них, воссоздать новый, *художественный мир*, в котором его герои вступают во «взрослую» жизнь: «их вывели на перекрёсток»³, озарённый пламенем великой войны. Яркие, самобытные характеры друзей, заинтересовавшие будущего писателя, дополненные собственными авторскими переживаниями, предопределили выразительность, запоминаемость образов героев, оставшихся верными юношеской дружбе.

¹ Слепухин Ю. Писатель и Отечество // Юрий Слепухин: XX век. Судьба. Творчество : сб. ст. и материалов / сост.: Н. А. Слепухина, Е. П. Щелова. СПб., 2012. С. 393.

² Слепухин Ю. Г. Перекресток // Слепухин Ю. Г. Избранное : в 5 т. СПб., 2005. Т. 1. С. 33.

³ Там же. С. 378.

Если бы мы сейчас располагали ранним текстом, то есть тем, что Слепухин не считал романом, возможно, мы нашли бы в нем куда больше ставропольских реалий. Но город Энск в «Перекрестке», — конечно, не только Ворошиловск, как тогда назывался Ставрополь. Энск — это и аграрно-индустриальный город Проскуров (с 1954 г. — г. Хмельницкий, центр одноименной области на Украине). Создание художественно-целостного синтезированного образа города, местности, народа встречалось в литературе и раньше. Но создавая образ русско-украинского города, Слепухин настойчиво следует точности топонимики двух городов. Это становится приметой его стиля.

Так, часто повторяющееся в тетралогии название главного проспекта города, казалось бы, ассоциирующегося со Ставрополем, в реальности соотносится уже с городом Проскуровым, для которого улица Фрунзе стала его визитной карточкой. Это говорит о большой привязанности автора к местам, в которых прошли его отрочество и юность: в большей мере в Ставрополе, но отчасти и в Проскурове, так как на Украине он жил почти год, в 1943 г. — с первых дней января включая ноябрь, когда семья Кочетковых была угнана в Германию. Благодаря художественно-концептуальной установке автора тетралогии в ней появилось характерное для «Перекрёстка» русско-украинское двуязычие, не считая того, что трамвайных линий (ранние пятигорские впечатления детства) в Ставрополе никогда не было из-за горного рельефа города. Во втором романе «Тьма в полдень» описание оккупированного города Энска выглядит еще более обобщенным, соответствующим западной части СССР. Обобщенно-типический (а не только ставропольский) энский текст об этом периоде жизни города очевиден и в смещении хронологических рамок повествования. Оккупация в Ставрополе началась не в августе 1941, как в Энке, а 3 августа 1942. Оккупированный Энск — не Ворошиловск еще и потому, что о взятии немцами Ворошиловска в начале августа 1942 есть специальная запись в дневнике Людмилы Земцевой, хотя сам выбор названного города тоже симптоматичен. В Энке оккупация длилась на год с лишним больше, преступления захватчиков и разрушение города были сопоставимы с жизнью других городов страны, а не со Ставрополем.

Сказанное подтверждается исследованием доктора исторических наук Б. Н. Ковалева⁴. Автор статьи систематизирует факты, относящиеся к городам Смоленск, Луга, Орел, Пушкин, Павловск и др., и приводит соответствующие им выдержки из романа Ю.Г. Слепухина, подтверждающие типичность указанных фактов. Историк делает вывод: «Поразительно, что Юрий Слепухин практически словно цитирует документы, которые тогда ему были недоступны. Нужно было обладать феноменальной памятью, писательским чутьем, а также честной гражданской позицией, чтобы в конце 60-х гг. прошлого века дать всестороннюю характеристику нацистского оккупационного режима в нашей стране»⁵.

Слепухин, очевидно, черпал подробности из множества рассказов перемещенных лиц, с которыми сводила его судьба на дорогах войны. Юноша умел слушать людей, а они были из разных населенных пунктов СССР, запоминать сказанное ими. Кроме того, на Украине эшелон с оstarбайтерами, в котором в Германию уехала семья Кочетковых, вообще формировался долго⁶: было что не только услышать, но и увидеть. Вот почему подробности оккупации, которые помнятся ставропольским старожилам, и в романе Слепухина порой расходятся. Важное различие в том, что в Ставрополе оккупация в целом не была абсолютно типичной ввиду ее ограниченного во времени срока (менее полугода). Разумеется, уже в первые дни ужас населения вызывала массовая гибель евреев; этот ужас переживают и герои тетралогии. Но в целом оккупационный быт в Ставрополе еще не устоялся, не успел сложиться, стать таким, каким он показан на примере города Энска, да и цели, которые ставил перед собой оккупационный режим в Ставрополе, были иными⁷. В Ставрополе не было показательных казней, применявшихся гитлеровцами в других оккупационных зонах. Репрессивная машина нацизма на-

⁴ Ковалев Б. Н. Сравнительный анализ описания нацистской оккупации в годы Великой отечественной войны 1941–1945 гг. по архивным источникам и по роману Юрия Слепухина «Тьма в полдень» // Юрий Слепухин: XX век. Судьба. Творчество. С. 284–300.

⁵ Там же. С. 300.

⁶ Слепухина И. Г. Воспоминания о брате // Юрий Слепухин: XX век. Судьба. Творчество. С. 22.

⁷ Беликов Г. А. Оккупация Ставрополя. Ставрополь : изд. Надыршин А. Г., 2016. С. 109.

чала набирать обороты только в последние месяцы, когда погибло немало юных ставропольцев, вступивших в борьбу с захватчиками⁸. Возможно, некоторые личные впечатления Слепухина от пережитой оккупации были им сняты в силу особых художественных задач, связанных с общим ощущением начала оккупационного режима в разных городах страны.

Однако нам важно другое: не столько конкретное воссоздание событий военных лет, происходивших в Ставрополе, а первые и потому особенно важные для эмоционального настроения повествователя звуки и краски военных дней. Они могли быть восприняты Слепухиным только в Ставрополе, и они абсолютно точно соответствовали действительности, что автор этих строк может подтвердить собственными воспоминаниями о специфическом грохоте бомбежки 3 августа 1942 и каком-то омерзительном скрежете, поражающем человека, и готова подписаться под каждой строкой из романа «Тьма в полдень»: «С бешеным свистом и воем прошел самолет совсем низко, и прямо над ними, как показалось всем — потом второй, третий; сухой и деловитый звук пулеметов каким-то странным диссонансом вплелся в этот разнузданный ураган звуков»⁹. Впервые только в Ставрополе Слепухин мог видеть и людей, гнувшихся под тяжестью мешков, взятых из разбитых складов.

Итак, хотя полностью «ставропольского текста» даже в первых двух романах тетралогии Слепухина нет, однако говорить о многих его элементах, отдельных деталях можно. Даже первая фраза «Перекрестка» о южном экспрессе, которым, тогда еще майор, Александр Семенович Николаев, Дядяша, везет осиротевшую племянницу Татьяну в Энск, вызывает ассоциацию с «небольшим городом на юге России»¹⁰, где тогда, по собственному его признанию, жил писатель. В романе прямо указаны и ближайšie к Ворошиловску населенные пункты. Татьяне довелось побывать в пионерском лагере на Кавминводах; упоминается и Микоян-Шахар (ныне Карачаевск): об этом соц-

⁸ Там же. С. 170–179.

⁹ Слепухин Ю. Г. Тьма в полдень // Слепухин Ю. Г. Избранное : в 5 т. СПб., 2005. Т. 1. С. 448.

¹⁰ Слепухин Ю. Писатель и Отечество. С. 393.

городе в предвоенные годы на Ставрополье было много разговоров, ему посвящались страницы краевых газет.

Немало в тексте и узнаваемых топонимов самого Ставрополя и его окрестностей. Рассказывается о «Татарской балке» (Татарском городище), где можно при желании найти обросший зелеными окисями наконечник скифской стрелы¹¹. Неоднократно упоминание о Казённом (Русском) лесе, об Архиерейских прудах: так по старинке горожане продолжали называть Комсомольские пруды, ныне превращенные в Комсомольское озеро. Упоминания о прудах и их окрестностях проходят через «Перекресток»¹². Архиерейские пруды остаются поэтическим штрихом в воспоминаниях героев и в годы военного лихолетья наряду с другими славными достопримечательностями родного города¹³. Во «Тьме в полдень» они — и место злодеяний фашистских варваров¹⁴, а мы знаем о расстрелах на Холодном роднике.

Автор-повествователь хорошо знал и юго-восточную окраину тогдашнего Ставрополя (здесь, кстати, прошло детство автора данной статьи). От здания крайзо (ныне пр. К. Маркса, № 15), где работал отец будущего писателя, Юрий шёл мимо Ярмарочной площади, которая с 1938 г. носила название «Площадь Орджоникидзе», а сейчас здесь возвышается здание цирка. Путь подростка (Юрий переехал в Ставрополь в 11 лет) лежал мимо 64-й школы, откуда в ясную погоду был хорошо виден Эльбрус. Далее путь проходил по пологому спуску вниз, называемому сейчас улицей Ковалева. Здесь также имелись свои достопримечательности: например, упомянутый автором гулиевский яр (ныне в городской части почти засыпанный и застроенный), а значит и мельница Гулиева. Сейчас почти невидимая за новыми зданиями, она в предвоенные годы возвышалась над этим районом города, но она, как и 64-я школа, в романах не упоминается, возможно, в силу ставропольской специфичности, тогда как Слепухин в образе города Энска воссоздавал художественный синтез

¹¹ Слепухин Ю. Г. Тьма в полдень. С. 722.

¹² Слепухин Ю. Г. Перекресток. С. 84, 241, 249, 289.

¹³ Слепухин Ю. Г. Избранное : в 5 т. СПб. : Ладога, 2005. Т. 1. С. 722 ; 2006. Т. 2. С. 815.

¹⁴ Слепухин Ю. Г. Тьма в полдень. С. 699.

разных городов, порой убирая слишком колоритные их детали. Зато упоминается Ипатовский *переулок* (так более точно названа в романе улица Ипатова, которая перед войной действительно называлась Ипатовской). Правда однажды, уже в «Тьме в полдень», короткому Ипатовскому переулку была придана несвойственная ему протяжённость. Володя Глушко, убив полиция, стремится попасть к «этому переулку, выходящему потом на Пушкинскую»¹⁵, но общее направление пути героя указано абсолютно точно: на Пушкинскую выходит параллельная и буквально рядом с ним лежащая улица Дзержинского (ранее Александровская).

Не раз в военной тетралогии упоминается ставропольский бульвар. Вид на него открывается из окна Татьяны: «Бульвар был действительно красив. Заиндевевые, густо опущенные снегом ветви, резко освещенные белыми фонарями, сияющим сказочным узором, были врезаны в угольно-черное небо»¹⁶. Рассказано, как Татьяна и Сергей Дежнев, идя из кинотеатра по бульвару, дошли до здания обкома¹⁷, в котором угадывается ставропольский крайисполком; о куполе этого здания идет речь и позже¹⁸.

Узнаваемы и приметы бывшего губернаторского дома с «грудастыми кариатидами», где при советской власти долгие годы размещался крайком партии. Но в «Перекрестке» Слепухин разместил в нем Дворец пионеров (как бы пророчески предвещая, что современный ставропольский Дворец детского творчества на улице Ленина тоже получит строящееся здание краевого Дома политпросвещения). А во время оккупации в губернаторском доме размещался гебитскомиссариат, где работала Татьяна Николаева¹⁹.

Городской парк, описанный в «Перекрестке», это современный Центральный парк. «Пройдя по центральной аллее они (Сергей и Татьяна. — Л. Е.) переглянулись и свернули в одну из боковых, уже наполненную сумерками летнего вечера.<...> Далеко, на главных аллеях,

¹⁵ Там же. С. 724.

¹⁶ Слепухин Ю. Г. Перекресток. С. 127.

¹⁷ Там же. С. 102.

¹⁸ Там же. С. 412.

¹⁹ Слепухин Ю. Г. Тьма в полдень. С. 685.

светляками мелькали огни фонарей, от танцевальной площадки иногда доносило какую-то развеселую музыку, но вокруг них было все так же тихо и безлюдно»²⁰.

Что-то неуловимо родное, знакомое не одному поколению коренных ставропольцев, ощущается в описании энского сквера, напоминающего ставропольскую Соборную гору, чаще называемую по советской привычке Комсомольской горкой. Даже в финале тетралогии, когда Татьяна поднимается по широким гранитным ступеням к месту подвига-гибели подпольщика Володи Глушко, эти детали как-то связываются воедино и со старинным административным зданием, где много лет размещался крайисполком (а во время оккупации — немецкий штаб), и с афишами кинотеатра, и близостью к базару (именно базару, как тогда говорили, а не рынку), где куплены цветы для «встречи» с Володей²¹. Исторически достоверна и такая деталь: на Комсомольской горке в период оккупации велось захоронение немецких солдат²², что подтверждено и ставропольскими краеведами.

В тетралогии описано, что идя на квартиру, где проживает семья офицера, служившего с Николаевым, выйдя из городского транспорта, Татьяна проходит по улице Коминтерновской (теперь Маршала Жукова), минувя перекресток (с улицей Дзержинского), мимо стадиона²³. Этот маршрут у горожан популярен и сейчас.

Заметим, что с реальными городскими ареалами у Слепухина связаны и домашние адреса действующих лиц. Пушкинская улица, где живет подруга Татьяны Люся Земцева, — это современная улица Пушкина. На ней и около нее, на Зоотехническом переулке (улица и переулок в 1938 г. «обменялись» названиями) и сейчас сосредотачиваются вузы города. Именно там помещает автор научно-исследовательский институт токов высокой частоты, связанный с оборонной промышленностью, где работала доктор физико-математических наук Галина Николаевна Земцева, мать Люси. Однако

²⁰ Слепухин Ю. Г. Перекресток. С. 265–266.

²¹ Слепухин Ю. Г. Ничего кроме надежды // Слепухин Ю. Г. Избранное : в 5 т. СПб., 2005. Т. 2. С. 981.

²² Слепухин Ю. Г. Тьма в полдень. С. 658.

²³ Слепухин Ю. Г. Ничего кроме надежды. С. 978.

такого учреждения в Ставрополе не было. По вкладу в науку здесь лидировал сельскохозяйственный институт (в те годы он назывался зооинститутом), где в середине 1930-х читал лекции знаменитый генетик Николай Вавилов. В газете «Власть советов» от 2 апреля 1936 приведены его слова: «Я не думал, что в Ворошиловске встречу такой огромный и хорошо оборудованный зооинститут». Кстати, на других страницах романа институт, где работала Земцова, назван не НИИ токов высокой частоты, а биологическим (упоминается «длинная решетчатая ограда биологического института»²⁴), однажды — и прямо сельскохозяйственным. Но, видимо, специальность известного физика для матери Люси Земцевой понадобилась автору для обоснования версии НКВД. Обвиняя Людмилу, там тянули ниточку и к ее матери, крупному ученому, побывавшему в научной командировке в Германии. Квартира Земцевых угадывается в одном из зданий бывшей учительской семинарии, главное здание которой, по данным историка-краеведа Г. А. Беликова²⁵, было построено «буквально напротив» Ставропольского женского епархиального училища (ныне — главный корпус Аграрного университета по улице Мира). Вскоре позади учительской семинарии было построено еще два дома, где находились большая библиотека, актовый зал, а также общежитие для учащихся. По-видимому, в одном из этих двух домов автор и поселил мать и дочь Земцевых. В середине 1930-х эти дома перешли к Ставропольскому сельскохозяйственному институту. Сейчас — это детские сады ««Журавушка» и «Росинка» с выходом на улицу Лермонтова.

Большая усадьба учительской семинарии с фруктовым садом простиралась до нынешней улицы Пушкинской, куда выходил фасад дома уже для преподавателей семинарии. Если учесть, как мы сказали выше, что улицы Пушкинская и Зоотехническая в 1938 «обменялись» названиями, то в любом случае можно сказать, что Людмила Земцева жила на Пушкинской. Но, скорее всего проход в её квартиру был и со стороны нынешней Пушкинской улицы через двор дома № 27, также входившего в территорию усадьбы учительской семинарии. Сейчас, заходя во двор дома № 27, мы сразу же наталкиваемся

²⁴ Слепухин Ю. Г. Тьма в полдень. С. 455.

²⁵ Беликов Г. А. Старый Ставрополь. 2-е изд. Ставрополь : 2009. С. 292.

на то, что сад, когда-то славившийся, как замечено в романе, громадными клумбами, уже полностью «отрезан» от дома (его «отрезали» дважды). Описание прекрасного сада становится лейтмотивом повествования, несовместимым с ужасом войны:

«Теплая августовская ночь, запах цветущего табака — и немецкие самолеты, ревушие над степными дорогами <...> В том, что все это сосуществовало одновременно, неразрывно переплетаясь одно с другим, было что-то непостижимое, чудовищное, способное довести до безумия...»²⁶.

Длительное время спустя разговор Татьяны и подпольщика Лёши Кривошеина происходит в кабинете матери Людмилы, окно которого, затененное буйно разросшимися за последний год кустами чубушника, выходило в сад. «Послеобеденное солнце, прорываясь сквозь расцвеченную желто-белыми звездочками листву, озаряло комнату мягким, словно подводным, немного призрачным светом. И эти солнечные пятна, играющие на подоконнике, и запах цветущего чубушника, и мирное гудение влетевшей в окно пчелы, и корешки за пыльными стеклами книжных шкафов — все это было настолько несовместимо с войной, с оккупацией, с темой их разговора, что Таня опять испытала уже знакомое ей странное чувство полной нереальности окружающего»²⁷. Подобные описания рожают обоснованные предположения, что Юрий Григорьевич очень хорошо знал этот сад, и его радовало, что сад впоследствии был отдан детям. После войны в окне кабинета Люсиной матери Татьяна видит «стриженные головенки», умиляясь — «Как хорошо, что догадались отдать дом для маленьких»²⁸. Видимо, в этом фрагменте завершающего всю тетралогия романа воплощены послевоенные впечатления Ю. Г. Слепухина, который, сразу по возвращении в Россию в 1957, посетил Ставрополь.

Сергея Дежнева автор «определил» на жительство на Старый форштадт. (А в духе повседневных разговоров того времени упоминается, что опекавшая Татьяну мать-командирша ушла ночевать

²⁶ Слепухин Ю. Г. Тьма в полдень. С. 455.

²⁷ Там же. С. 703.

²⁸ Слепухин Ю. Г. Ничего кроме надежды. С. 979.

к родственнице на Новый форштадт.) Когда, осознав серьёзность своего чувства к Татьяне, Сергей направляется пешком к ее дому, то он идет по нынешней улице Ковалева вверх, по пологому спуску к мельничному яру (в романе он назван ещё и гулиевским), к водоразборной будке, как бы встречаясь со своим детством²⁹. Эта изумительная по лирическому звучанию страница романа в то же время была очень точной картиной зимних ребячьих развлечений, что мы можем подтвердить и своими воспоминаниями. Сергею Дежневу автор отдал собственные переживания, о чем рассказывала вдова писателя, посетившая Ставрополь в 2017. В своё время, читая «Перекрёсток», она обратила внимание на описание мальчика в «истертой тюленьей курточке», скатившегося на салазках с горы, и услышала от мужа в ответ: «А это у меня была такая курточка, я носил её несколько лет». Приведем указанный фрагмент романа:

«За водоразборной колонкой — там, где улица начинает полого спускаться Мельничному Яру, — слышался гомон ребячьих голосов. Остановленный воспоминаниями, Сережка долго стоял и смотрел на галдевшую толпу.

Ещё три-четыре года назад он и сам не пропускал ни одного такого вечера: прибежал из школы, пообедал, кое-как приготовил задания и — кататься, до самой темноты, пока не начнут сходиться к колонке матери, высматривая каждая своего и оглашая улицу пронзительными криками: “Юрка-а! Вовка-а-а!! Ступай домой — вот погоди, отец тебя выпорет!..”

Мальчишка в истертой тюленьей курточке пробежал мимо, прижимая к груди маленькие салазки, добежал до спуска, ловко упал и понесся вниз, раскинув ноги ласточкиным хвостом. Сережка смотрел ему вслед со странным чувством. Не то чтобы он завидовал, нет... тут что-то другое, сразу даже и не определишь. Раньше все было интереснее, ярче как-то. Любая мелочь блестела, как бутылочный осколок на солнце. <...>

А сейчас все как-то уже не так. Правда, интереснее стало жить в другом смысле, это верно. Вот, скажем, такие вопросы приходится решать... На эти несколько минут, вспоминая детство, он забыл

²⁹ Слепухин Ю. Г. Перекресток. С. 124.

о Тане, и сейчас вернувшаяся мысль о ней обдала его волною тепла. “Таня”, — шепотом сказал Сережка, впервые — даже в мыслях — называя ее по имени. Как она тогда, на лестнице, сказала ему: “Сережка” тоже в первый раз, нарушая школьную традицию. Одно это слово сблизило их больше, чем мог сблизить год знакомства...

Сережка выкурил папиросу, стоя на одном месте. Стали замерзать ноги. Ребятишки начали расходиться по домам — шли мимо в синих сумерках, волоча салазки и ковыляя на коньках, громко шмыгали носами, перекрикивались, кого-то дразнили. Сережка нашел в кармане гривенник, потряс в сложенных кузовком ладонях. Решка — пойду, орел — не пойду... нет, не так пойду, если орел. Вышла решка. Он озлился и зашвырнул гривенник в чей-то сад. Вот назло пойду! Тоже, гадать вздумал...»³⁰.

Казалось бы, в описании спуска в «Перекрестке» есть противоречие: Старый форштадт, его десять Старофорштадских линий сейчас в сознании горожан связывается, прежде всего, с другой частью города, например, по маршруту троллейбуса № 2, начиная с улицы 8 марта к югу. Но ведь Старый форштадт тянулся далеко на восток. Когда в детстве об открывающейся от 64-й школы и до сих пор волнующей и манящей меня дали я спрашивала: «Что это?», мне отвечали: «А это дорога на Старый форштадт». Очевидно, туда можно было добираться и из этой части города, и подобное объяснение мог слышать и будущий автор «Перекрестка». Но очевидно, сам выход героя в центр города с восточной стороны Старого форштадта — плод художественного вымысла.

Примечательна художественная функция описания дома Дежнева на улице Челюскинцев (в жизни — одна из старофорштадских линий, носивших в конце 1930-х имя Чернышевского): «Широкая, в подмерзших рывтинах и колдобинах с высокими тротуарами, с обмерзшей водоразборной колонкой на углу, покривившимися дощатыми заборами и подслеповатыми домишками»³¹. Воспоминания о родном доме сопровождают Сергея в его фронтовой жизни.

³⁰ Слепухин Ю. Г. Перекресток. С. 124–125.

³¹ Слепухин Ю. Г. Тьма в полдень. С. 616.

Дорога к дому Володи Глушко на противоположной — северной — окраине города пролегла по Подгорному спуску. Юноша переживал, что родители получили разрешение строиться на окраине, а ему так хотелось остаться в квартире, расположенной в центре. Теперь и Подгорный спуск — давно центр города, но сохранивший свой исторический колорит. До войны несколько улиц носили название Подгорная, различаясь лишь нумерацией. В «Перекрестке» подробно описаны кривые переулочки с лебедой и пышным лопухом, козы на привязи возле канав, домики в два-три окна с геранями и занавесочками, с серебристыми от старости дощатыми заборами, «и каждую весну метет по узеньким тротуарам бело-розовая метелица вишневого и яблоневого цвета»³².

К сожалению, мы пока не знаем, какой дом послужил прообразом дома, где жил Герой Советского Союза Николаев, Дядяша Татьяна. «Дом комсостава» в Ставрополе нам неизвестен. Краеведы свидетельствуют, что военные специалисты жили в сохранившемся и сейчас одноэтажном доме по улице Мира, № 268. Знакомо ставропольцам словосочетание «Дом летчиков». В самом начале 1940-х в Ставрополе появился военный аэродром на месте сегодняшнего жилого массива, именуемого в просторечии Осетинкой. В 1942 здесь обосновался 750-й авиационный полк. Семейным летчикам, по словам Г. А. Беликова³³, «было предоставлено здание в 4 этажа, бывшего общежития Пединститута, а также двухэтажный дом по новой улице, тогда же названной Авиационной». Строительство здания под общежитие было почти завершено еще летом 1938, о чем сообщалось в газете «Молодой ленинец» от 29 июля с указанием адреса: «по улице Дзержинского». В нем имелись центральное паровое отопление и ванны. Сейчас это пятый учебный корпус Северо-Кавказского федерального университета, хотя в нем сохранилось и крыло квартир. Но многие другие приметы перечисленных Домов не совпадают с многократно описанным в «Перекрестке» четырехэтажным домом, похожим на московский, где раньше жила Таня, и, главное — с окнами на бульвар. Даже если до новой застройки этого района

³² Слепухин Ю. Г. Перекресток. С. 151.

³³ Беликов Г. А. Оккупация Ставрополя. С. 66.

города из окна 4-го этажа общежития бульвар и виднелся, то такой непосредственной близости к нему, какая просматривается в романе, у общежития на Дзержинского не было.

Очевидно в каждой словесной зарисовке зданий в романе и не стоит искать фотографической точности. Отдельные запомнившиеся будущему писателю детали могли сочетаться достаточно произвольно: дом старый или новый, кирпичный, закругленные сверху окна, необычная для Ставрополя этажность, удаленность от тротуара и т.д. (помнится, перед войной горожане много говорили и о новом четырехэтажном жилом доме для сотрудников НКВД по улице Ленина, 213, даже специально ходили посмотреть на окаймляющий оригинальный зеленый дворик, строгий серый дом, который в наши дни, увы, покрыли... белой и ярко-желтой краской). Важно, что Слепухин архитектурные новации видел и запомнил именно в Ставрополе. Богатство ассоциаций художественных деталей в романе с реальными топонимами Ставрополя просто поразительно.

Важнейшим слагаемым ставропольского текста в «Перекрестке» стало воссоздание жизни школы № 46, где учились главные герои романа и сам автор-повествователь, хотя к началу войны они окончили только «восьмилетку», а не выпускной десятый класс, как в романе. Это, очевидно, диктовалось художественной концепцией произведения и хронотопом «перекресток». Выше мы упоминали о ставропольской школе № 64, мимо которой не мог не пройти будущий писатель, и ее нумерация была ассоциативна с № 46 в романе. (Номер этой исторически реальной, но не упомянутой в романе 64-й школы определялся по ее принадлежности к ведомству железной дороги. Школа с таким номером и сейчас находится в самом начале нынешней улицы Дзержинского, недалеко от хорошо знакомого Юрию Кочеткову здания крайзо. Но это была *не та школа*.) Под описание школы номер 46 из романа «Перекресток» подходит школа № 4, где будущий писатель окончил «восьмилетку». В предвоенные годы она, выстроенная на месте взорванного Троицкого собора (ныне там гостиница «Интурист»), была гордостью города. Её фасад выходил не на проспект, как сейчас гостиница, а отделялся от него, кованой оградой, как и в свое время, собор, и небольшой прогулочной тер-

риторией. Это было *красивое новое*, как подчеркнул писатель, здание напротив бульвара: Николаев однажды видел, как Таня, направляясь к школе, *пересекла* бульвар.

«Черный ход» из школы вел на «боковую тенистую улочку», на которой спасаются бегством Сергей и Татьяна³⁴. Это — улица Рылева, которая, раздвоившись, образует проходы, соединяющие главный проспект города с улицей Орджоникидзе. По самому узкому из них ребята ушли из школы. За рамками романа осталось то, что первый раз здание 4-й школы пострадало от бомбежки 3 августа 1942, когда погиб учитель пения и несколько учеников. В восстановленном корпусе поселились немецкие солдаты. Уже окончательно здание было взорвано немцами при отходе из города.

Под статью прекрасному зданию был и школьный педагогический коллектив, оставшийся в доброй памяти ее учеников, а у их потомков — благодаря письмам-воспоминаниям (1996) выпускника школы Владимира Федоровича Рязанцева краеведу Г. Беликову. Последний любезно познакомил нас с ними, и мы имеем достоверные сведения о полном составе педагогического коллектива школы, об отдельных выдающихся, не побоимся этого слова, учителях³⁵. Их педагогические принципы можно охарактеризовать современным термином «эмпатия» — безоценочное приятие другого человека, его поведения. Другими словами, эмпатия — это сопереживание, способность учителя к эмоциональной отзывчивости на переживания учеников, сознательное (но в то же время и подсознательное) альтруистическое стремление к укреплению межличностных отношений. Неслучайно В. Ф. Рязанцев подчеркивал, перефразируя известный партийный лозунг тех лет: «Учителя и ученики были едины. ТАК было, такими мы были». А в романе «Перекресток» Людмила Земцева, выражая и позицию повествователя, создает подлинный панегирик учителям 46-й школы, абсолютно непротиворечащий приведенным выше воспоминаниям Рязанцева о педколлективе реальной СШ № 4:

«Вот о чем я буду больше всего жалеть, вспоминая школу, — о наших чудесных преподавателях. Какие мы, в сущности, все к ним

³⁴ Слепухин Ю. Г. Перекресток. С. 265.

³⁵ Личный архив Г. А. Беликова. Ставрополь.

невнимательные, даже неблагодарные. Поговорить с препом полчаса на школьном вечере — и то уже считается чуть ли не великим подвигом. А ведь они всегда с такой охотой посещают школьные вечера, так рады каждому случаю поговорить со старшим учеником попросту, вне класса, по-дружески»³⁶.

Сравнительный анализ писем Рязанцева и текста романа Слепухина «Перекресток» окончательно убедили нас в том, что 46-я школа в тетралогии — это довоенная 4-я школа: совпадают или почти совпадают имена и характеристики учителей. В романе сохранено имя и отчество учителя русского языка и литературы Сергея Митрофановича. Его подлинная фамилия «Бедняков» в тетралогии была заменена на «Свиридов», что не противоречит возможным в связи с ней ассоциациям. Она восходит к имени Спиридон, означающему «надёжней, духовный». Наконец, в годы создания «Перекрестка» почти все знали фамилию известного композитора Г. Свиридова, автора вокальной музыки на слова известных поэтов. Новая фамилия, данная писателем Сергею Митрофановичу, вполне соответствовала интересу учеников к его распевной манере чтения стихов, о чем подробно рассказано в романе. Легкая ирония Татьяны в адрес Сергея Дежнева, пытавшегося подражать учителю, не снижает ее и других учеников впечатлений: Сергей Митрофанович стихи читает «очень хорошо»³⁷.

Образ Сергея Митрофановича, особенно близкого будущему писателю учителя-словесника, раскрыт в «Перекрестке» наиболее подробно и полно. Своим восхищением Слепухин наделяет и героев тетралогии, даже «технаря» Сергея Дежнева. С каким-то благоговением он помогает учителю донести домой книги, и мы узнаем, что Сергей Митрофанович жил недалеко от школы, возле кинотеатра в старом трехэтажном, с башенкой на углу доме. Именно этот дом в романе «Ничего, кроме надежды» ищет Сергей, побывав в освобожденном Энске, а мы и сейчас угадываем в нем здание на углу улиц Карла Маркса и Розы Люксембург (хотя в романе назван не проспект

³⁶ Слепухин Ю. Г. Перекресток. С. 333.

³⁷ Там же. С. 387.

Фрунзе, а улица Карла Либкнехта³⁸. (Возможно, ко времени написания завершающего романа Ю. Г. Слепухин знал о замене в названии проспекта имени Сталина — в романе Фрунзе — на Карла Маркса.) Документальных подтверждений о том, что прототип Свиридова жил в этом большом доме, мы не имеем, но то, что в нем жили другие преподаватели СШ № 4, факт достаточно известный.

Сергей Митрофанович был единственным из преподавателей, оставшихся без прозвища. В действии он впервые появляется в непринужденном разговоре со встреченными на улице Сергеем и Татьяной. Отозвав Сергея, он подсказывает ему «уже не как учитель ученику, а как мужчина мужчине» правила поведения: помочь однокласснице нести набитый книгами портфель³⁹. Лучшей аттестацией учителя были невзначай приходящие на ум его ученикам (уже в житейских ситуациях) примеры из уроков: рассказ о некрасовских женах декабристов, последовавших за мужьями в Сибирь⁴⁰; после гибели брата Сергея — Николая, Татьяна вспоминает, что, по словам учителя, у Пушкина можно найти ответ почти на любой вопрос, и перечитывает пушкинское «Брожу ли я вдоль улиц шумных...». И хотя философский смысл стихотворения Татьяне пока недоступен, это был труд взрослеющей души, приведший к «нестерпимому, рвущему сердце чувству жалости к Сергею»⁴¹.

За школьной суетой Сергей Митрофанович успевает заметить волнение Сергея в первый день последнего для юноши учебного года, когда, наконец, состоялось его и Татьяны объяснение: учитель подбадривает его⁴². Он исподволь учит Сергея бороться за свою любовь («если это, разумеется, любовь настоящего мужчины»), приводя в пример героя А. К. Толстого, простого викинга. Именно к нему обращается Сергей за советом, что подарить девушке в день рождения. «Хитрый старик по обыкновению подхватил его под локоть и, словно ни о чем не догадываясь, стал долго распространяться о том,

³⁸ Слепухин Ю. Г. Тьма в полдень. С. 571.

³⁹ Слепухин Ю. Г. Перекресток. С. 118.

⁴⁰ Там же. С. 131.

⁴¹ Там же. С. 187.

⁴² Там же. С. 262–263.

что выбор подарка дело серьезное — и зависит главным образом от личности того, кому подарок предназначен»⁴³. Получив попутный урок этикета и даже тактично предложенные ему деньги, Сергей преподносит Татьяне огромный букет белых роз, как бы предвосхищая ее признание: «Знаешь, я ведь загадала: если ты принесешь мне цветы, то все будет хорошо»⁴⁴.

Татьяне, случайно встретив ее на городской улице, Свиридов дает дельный совет — поступать на филфак. Девушка подробно пересказывает его слова Сергею: «Имей в виду, что у тебя вообще есть литературные способности. Я это давно понял еще по твоим сочинениям. Даже если ты не будешь писать сама, что вообще я считаю возможным, то, во всяком случае, литературное образование тебе получить не мешает, из тебя может получиться литературовед или редакционный работник. Так и сказал, представляешь?»⁴⁵. И в дальнейшем (мы об этом узнаем уже за рамками тетралогии — в романе «Киммерийское лето») Татьяна сама становится Учителем с большой буквы. Как видим, и Татьяне, как и Сергею, автор отдал свои юношеские впечатления от сокровенных бесед с учителем, и сам многие десятилетия, как свидетельствует Н. А. Слепухина, вспоминал Сергея Митрофановича, предопределившего его судьбу писателя.

Иная по характеру и склонная к философствованию Людмила Земцова в своем дневнике размышляет над словами Сергея Митрофановича о коллективизме и индивидуализме, над его нестандартным неоднозначным истолкованием этих понятий: «Действительно, сколько раз я замечала, — например со знакомыми девочками, — что многие сейчас и в самом деле не могут побыть наедине с собою и одного часа. Одной ей “скучно”»⁴⁶. А вскоре Сергей Митрофанович преподал своим воспитанникам еще один урок, преподнеся на восьмое марта каждой из учениц букетик подснежников, сопроводив словами: «Надеюсь, молодые люди не обидятся? Собственно, это вы должны были бы дарить цветы своим одноклассницам, но, коль скоро

⁴³ Слепухин Ю. Г. Перекресток. С. 282.

⁴⁴ Там же. С. 283.

⁴⁵ Там же. С. 272.

⁴⁶ Там же. С. 332.

никто из вас не догадался, я позволил себя взять это на себя. Будем считать, что цветы преподнесены мужской половиной человечества». И Земцева добавляет: «Мальчишки сидели все красные! Какой милый старик»⁴⁷. Такому учителю нельзя сказать неправду, слукавить: вспомним откровенное признание Людмилы о предложенной Свиридовым теме сочинения «Мои планы на будущее» и ее объяснение, почему она отказалась его писать, сославшись на головную боль⁴⁸.

Заметим, что учительский дар Сергея Митрофановича Беднякова, как прототипа романного героя Сергея Митрофановича Свиридова, был по достоинству оценен ставропольской общественностью. О нем писала краевая пресса, например, газета «Орджоникидзевская правда», освещая на своих страницах начало 1939/1940 учебного года в средней школе № 4. К сожалению, в архивах города нам ничего не удалось узнать о дальнейшей судьбе С. М. Беднякова, о ее соответствии/несоответствии роману «Тьма в полдень», где Сергей Митрофанович сыграл большую роль в судьбе Володи Глушко. Потрясенный случившимся (вынужденным убийством полицейского) Володя, почувствовав кого-то за своей спиной, с трудом воспринимает своего бывшего учителя литературы — «полного человека с козлиной бородкой, в чеховском пенсне на черном шнурочке». Сергей Митрофанович не только сообщает Татьяне о выполнении Володи задания, но и принимает участие в судьбе своего ученика⁴⁹. Художественно-историческая ценность созданного писателем образа, неразрывно связанного с судьбами его воспитанников — главных героев военной тетралогии, — несомненна.

Талантливый преподаватель Александра Марковна Моткина, погибшая в оккупации вместе с другими евреями, также выведена в романе, хотя сочетание ее имени и отчества здесь произносится легче: Елена Марковна, а фамилия ее в романе — Вейсман (в выборе фамилии, очевидно, сказались интерес писателя к известному немецкому зоологу и неприятие Слепухиным идеологической кампании против «вейсманизма-морганизма» и советских генетиков). В. Ф. Рязанцев

⁴⁷ Там же. С. 333.

⁴⁸ Там же. С. 334.

⁴⁹ Слепухин Ю. Г. Тьма в полдень. С. 735–737.

посвятил ей, А. М. Моткиной, несколько теплых страниц в упомянутых выше воспоминаниях. В романе Слепухина Елена Марковна — классный руководитель Татьяны, талантливый воспитатель, о чем свидетельствует подробно воссозданная на десяти страницах романа ее беседа с дядей школьницы⁵⁰.

Именно эти два учителя — Свиридов и Вейсман, близкие к своим прототипам, — показаны в романе крупным планом в сценах выпускного бала 21 июня 1941⁵¹.

Известная в городе учительница немецкого языка Людмила Яковлевна Меранвиль, работавшая в школе № 4, в романе не выведена, но героини — и Людмила, и Татьяна, — не раз на удивленные вопросы немцев об их прекрасном владении немецким языком отвечали, что немецкий учили в школе⁵².

Другие картины из жизни 46-й школы в романе Ю. Г. Слепухина «Перекресток» также соответствуют реалиям жизни школы № 4 г. Ставрополя. Мы не знаем, был ли прототип у бывавшего в 4-й школе героя-танкиста Александра Николаева, «Дядисаши» Татьяны, ставшего кумиром многих учеников, но о том, что его история также приближена к реальности, свидетельствует, корреспонденция в газете⁵³. В ней рассказано о пионерском сборе, посвященном встрече с военно-морским летчиком, орденоносцем Алексеем Николаевичем Грачевым, участником боевых сражений на Халхин-Голе, военных событий в Польше, в Финляндии. По желанию школьников он подробно рассказал о борьбе с белофинами, о главном плацдарме войны — Карельском перешейке; привел несколько эпизодов из боевой жизни летчика. Нетрудно заметить, что перечисленные военные компании полностью соответствуют этапам жизненного пути литературного героя Александра Николаева, вызывавшего живой интерес одноклассников Татьяны и ее учителей, сверяющих с мнением зашедшего в школу кадрового военного свои тревоги за близких

⁵⁰ Слепухин Ю. Г. Перекресток. С. 335–345.

⁵¹ Там же. С. 384–387.

⁵² Слепухин Ю. Г. Тьма в полдень. С. 540 ; Слепухин Ю. Г. Ничего кроме надежды. С. 529.

⁵³ Сталинские ребята. Ворошиловск, 1940. 12 дек.

людей⁵⁴; подробно воссоздана в романе и встреча героя-танкиста с учащимися:

«Этой зимой (февраль 1939. — Л. Е.) майора пригласили в школу прочитать доклад на вечере, посвященном Дню Красной Армии. Класс Николаевой целую неделю был в волнении — приедет или не приедет. Майор приехал в назначенный день и час, в парадной форме, поблескивая двумя орденами Красного Знамени и полученной в прошлом году юбилейной медалью “XX лет РККА”. Таня сидела в пятом ряду и так задавалась, что не услышала ни слова из того, что говорил Дядяша. После короткого доклада он долго отвечал на вопросы, а потом в зале разразилась буря восторга...»⁵⁵: майор подарил школьникам роскошный полуметровый макет танка.

Летом 1939-го Николаев принимал самое непосредственное участие в событиях на Халхин-Голе, а об их подробностях Таня слышит уже от лейтенанта Сарояна, захватившего к ней в пионерский лагерь по поручению майора⁵⁶. 30 августа Татьяна читает в газете указ: «... “Наградить званием Героя Советского Союза с одновременным вручением ордена Ленина <...>» “майора Николаева Александра Семеновича”»⁵⁷. В первый день учебного года «свинцовый ветер уже метет по дорогам Польши». Но о начале Второй мировой войны «в Энске еще ничего не известно». Таня все ждет возвращения Дядяши из Монголии, но он так и не приехал. «Ничего, — думала Татьяна, засыпая, — завтра-то уж обязательно...».

Как видим, то, что в жизни школы, судя по газетной корреспонденции, было кратким эпизодом, в романе становится развернутой фабульной линией с поэтапным рассмотрением событий жизни кадрового военного. Обещавший после Халхин-Гола приехать в Энск Дядяша «не приехал ни на следующий день, ни в четверг, ни в пятницу, ни в субботу», а в воскресенье по радио сообщили, что Красная Армия перешла границу Польши, беря под свою защиту жизнь

⁵⁴ Слепухин Ю. Г. Перекресток. С. 345.

⁵⁵ Там же. С. 42.

⁵⁶ Там же. С. 55.

⁵⁷ Там же. С. 67.

и имущество населения Западной Украины и Западной Белоруссии⁵⁸. И вот школьники уже обсуждают начало войны с Финляндией, и весь девятый класс был занят событиями на Карельском перешейке. Людмила Земцева записывает в своем дневнике от 14 декабря: «Т(атьяна) боится, чтобы не послали туда (в Финляндию — Л. Е.) Александра Семеновича, от него давно нет писем»⁵⁹. Лишь 30 марта 1940 был подписан мирный договор с Финляндией, а в конце мая Николаев, уже полковник, вернулся в Энск, испытывая сердечную боль из-за гибели боевых товарищей, получивших приказ атаковать минные поля без артподготовки. Но он понимал, что «означала граница в 30-ти километрах от Ленинграда»⁶⁰.

Подчеркнём, что ставропольский текст в тетралогии становится поэтическим символом малой родины героев, прежде всего Сергея Дежнева, которому представляется, что идя дорогами Великой Отечественной войны на запад, он идет к «...Энску с Татарской балкой, с прудами в Казенном лесу, почему-то называемыми по старинке Архиерейскими, с 46-й школой и Домом комсостава, где жила Таня, и тем домиком на Челюскинской, где жили когда-то он сам, и мама, и Зинка, и Коля, еще живой...»⁶¹.

К сожалению, нам до сих пор неизвестны адрес или адреса, по которым в Ставрополе проживали Кочетковы. Очевидно, что после переезда в конце 1937 из Пятигорска в Ставрополь, они жили где-то в районе крайзо, или даже в самом здании крайзо, выходящем и на параллельную улицу Горкого, д. 2, с большим внутренним двором. И дело не только в том, что с этими местами связаны воспоминания писателя о ребячьих забавах (см. выше), но и сообщенный нам Н. А. Слепухиной штрих из воспоминаний сестры писателя о том, как её, совсем маленькую, брат с мальчишками спускал с горы в коляске. Такая деталь была бы невозможна, если бы квартира Кочетковых находилась далеко от крайзо.

В 1940 отец писателя Г. П. Кочетков получил повышение по службе: оставаясь главным агрономом крайзо, он становится начальни-

⁵⁸ Слепухин Ю. Г. Перекресток. С. 73–74.

⁵⁹ Там же. С. 145.

⁶⁰ Там же. С. 202.

⁶¹ Слепухин Ю. Г. Тьма в полдень. С. 473–474.

ком управления агротехники и механизации. Можно предположить, что последующие годы его семья жила в доме по улице Пушкина, 27, где, как свидетельствуют краеведы, проживало переехавшее в Ставрополь высшее руководство краевого аппарата. (Кстати, именно в 1940 в этом доме поселилась и прокурор Абрамова, о чем говорит мемориальная доска на доме № 27). Возможно, здесь жил и будущий писатель, поселив в соседнем доме и свою героиню Людмилу Земцеву. Основанием для такого предположения служит прилежавший к дому прекрасный сад, описание которого мы приводили выше как лейтмотив всей тетралогии.

Все отмеченные нами в романах Слепухина узнаваемые ставропольские реалии свидетельствуют о том, что хотя применительно к его романам и нельзя буквально говорить о ставропольском тексте (это всё-таки энский текст), его отдельные элементы, ставропольские мотивы в них есть. И не только в первых двух романах тетралогии, но и в остальных; часто эти элементы появляются в ретроспекциях. Ставропольские мотивы, сохраняя первозданность юношеского восприятия автором воссоздаваемых им событий, придают тетралогии особый лирический колорит, не случайно её называют лирическим эпосом. Не приходится говорить о важности этого обстоятельства для литературного краеведения.

Аннотация: Автором статьи установлена достоверность ставропольских реалий в художественной топонимике вымышленного российско-украинского города Энска в военной тетралогии Ю. Слепухина. В романах «Перекресток» и отчасти «Тьма в полдень» отражены воспоминания писателя, проведшего отрочество и юность (1937–1942) в Ставрополе, тогда Ворошиловске; воссоздана жизнь школы, в которой учился Слепухин, хотя дальнейшие судьбы его одноклассников — прототипов слепухинских героев — после «Перекрестка» подчиняются развитию художественной концепции тетралогии в целом.

В заключительном романе «Ничего кроме надежды» наряду со ставропольскими ретроспекциями включены эпизоды: в осво-

божденный от оккупантов Энск-Ставрополь приезжают Сергей Дежнев (часть первая) и Татьяна Николаева (часть третья).

Ключевые слова: ретроспекции, текст, тетралогия, топонимы, прототипы, эмпатия.

Annotation: The author of the article established the authenticity of the Stavropol realities in the artistic toponymy of the fictional Russian-Ukrainian city of Ensk in the military tetralogy of Yuri Slepukhin. The novels «Crossroads» and partly «Darkness at Noon» reflect the memories of the writer who spent his adolescence and youth (1937–1942) in Stavropol, then Voroshilovsk; The life of the school in which Slepukhin studied was recreated, although the future destinies of his classmates — the prototypes of Slepukhin’s heroes — follow the development of the artistic concept of tetralogy in general after the intersection.

In the final novel “Nothing But Hope”, along with Stavropol retrospections, are included episodes: Sergei Dezhnev (part one) and Tatyana Nikolayeva (part three) come to the liberated from the invaders of Ensk-Stavropol.

Keywords: flashbacks, text, tetralogy, toponyms, prototypes, empathy.

